

Он не стал объяснять, полагая, что поддерживать это недоразумение возможно будет лучше, по крайней мере для Ань Цзыци. Ведь если сердце остынет, то и чувства угаснут.

— Хорошо, — спокойно ответил Цинь Юй, жестом велел ему встать.

Взглянув на нефритовую подвеску в руке, он произнёс:

— Эта подвеска была дарована покойным императором. Я ношу её с самого рождения. Спасибо, что помог её вернуть.

Князь Цзинь собирался убрать подвеску за пазуху, но Ань Цзыци, слегка расширив глаза, почувствовал в сердце острую жалость и, порывисто схватив князя за руку, воскликнул:

— Ваше Высочество, это... моя!

— Отпусти меня, — холодно улыбнулся князь Цзинь, но в его улыбке не было тепла.

Ань Цзыци опустил голову, но рука его не дрогнула. Это была единственная вещь, которая у него осталась. Почему князь не позволяет ему оставить её? Он не мог смириться.

— Ты осмелился ослушаться приказа? — строго взглянул на него Цинь Юй и резко приказал:

— Отпусти!

Плечи Ань Цзыци дрогнули, рука его опустилась, и он, понурив голову, застыл на месте, словно лишившийся жизни.

Цинь Юй, глядя на него, глубоко вздохнул и, холодно развернувшись, ушёл.

Прости, Ань Цзыци. Я не хотел так поступать, но я постепенно понял, что доброта и мягкость без границ — это безответственная жестокость.

Ань Цзыци смотрел на равнодушную спину князя, и сердце его наполнилось холодом. Он не понимал, почему князь так настойчиво отнимает у него эту подвеску. Ведь это всего лишь кусок нефрита.

Он понимал, что сердца людей не меняются легко, но эта подвеска была для него символом воспоминаний. Почему же князь не оставил ему даже этой малости?

Ваше Высочество, разве это не слишком жестоко?

Река Наньиншуй — так её называли в Великой Юн. Там, где она течёт мимо горы Чуаньшань, её звали Яньнинцзян. Она текла на юг, пока не достигала центра Миньюэ, где поворачивала на восток, а затем на юго-восток, постепенно разделяясь на мелкие притоки.

У самого западного подножия горы Чуаньшань, среди обширных лесов, скрывалась армия князя Цзинь.

В главной палатке

— Вы должны быть предельно осторожны, когда войдёте в Миньюэ. Не раскрывайте свою личность. Ваша задача — лишь разведать обстановку, — приказал Цинь Юй.

— Слушаюсь, — ответили ему.

Как только он закончил, за палаткой раздался голос Ань Цзыци. Цинь Юй крикнул, чтобы тот вошёл, и маркиз Ань появился в палатке.

— Ваше Высочество, оборона на противоположном берегу царства У ослабла. Недавно часть гарнизона была переброшена на север, — доложил Ань Цзыци, сложив руки в поклоне.

— Тем лучше, — кивнул Цинь Юй и жестом отпустил стражника.

Ань Цзыци, слегка опустив голову, без выражения на лице, уже собирался откланяться, но, заколебавшись, спросил:

— Ваше Высочество, вы послали разведчиков в Миньюэ, потому что беспокоитесь о заставе Цзиньтянь?

— Наша армия вступает в бой с царством У. К счастью, в Миньюэ сейчас смута. Но если в этот момент их внутренние распри утихнут и они повернут свои войска против нас, то заставы Шаньгуань и Цзиньтянь окажутся под угрозой, — ответил Цинь Юй.

— Хотите, чтобы я отправил людей к заставе Шаньгуань?

— Нет, не стоит тревожить змею в траве. Всё решим после вступления в У.

Ань Цзыци кивнул, откланялся и вышел. Цинь Юй смотрел ему вслед. Маркиз Ань, должно быть, был недоволен, но князь радовался, что недовольство ограничивалось лишь его личными чувствами. Маркиз по-прежнему верно служил, не совершая ничего неподобающего.

Я всегда говорил, что каждому важно знать своё место.

Ночью, из-за скрытного расположения лагеря, даже звуки барабанов не нарушали тишины. Князь Цзинь приказал армии отдохнуть, чтобы через три дня, собрав силы, одним рывком переправиться через реку Наньиншуй и войти в царство У.

В феврале, если бы они были в столице или на севере, всё ещё стояла бы холодная погода. Но на юге, особенно после перехода через гору Чуаньшань, климат был тёплым и приятным.

Неизвестно, то ли это был тёплый ветер, то ли наконец достигнутое место, но Цинь Юй почувствовал редкое облегчение. Казалось, что что-то долго давившее на него наконец отпустило.

Не зря на юге рождаются свободолюбивые люди. Среди гор и чистых рек, в окружении прекрасных пейзажей, кто будет заботиться о славе и богатстве?

Размышляя об этом, он неспешно шёл по тихому лагерю, как вдруг остановился. Ноздри его дрогнули, и он, замерев, посмотрел на палатку рядом. После короткого колебания он вошёл внутрь.

В палатке горели две свечи, создавая приглушённый свет, но Цинь Юй всё же смог разглядеть, что маркиз Ань пил в одиночестве.

Весь путь армия князя Цзинь прошла в тяжёлых условиях, и даже сам князь жил наравне с солдатами. Поэтому вид маркиза Ань, пьющего вино, вызвал у него недовольство, а также недоумение: откуда взялся этот напиток?

— Ваше Высочество, — взглянул на него Ань Цзыци.

В обычное время он бы уже встал и попросил прощения, но сейчас...

— Не хотите ли выпить со мной?

Цинь Юй слегка приподнял бровь, удивлённо посмотрел на него и рассмеялся. Ань Цзыци, казалось, осознал своё поведение, но не извинился, а вместо этого схватил князя за руку.

— Я виновен, но прошу вас, дождитесь, пока я допью, а затем накажите меня!

Князь Цзинь, находясь в полном замешательстве, был усажен за стол маркизом Ань, который тут же налил ему чашу вина и пододвинул её.

Цинь Юй нахмурился, глядя на чашу. Он точно не собирался пить, ведь это могло оставить его в постели на десять дней. Но что насчёт маркиза Ань?

Гулун-гулун... Маркиз Ань, держа кувшин, выпил почти половину.

— Ань... — начал Цинь Юй, но, остановив себя, проглотил слова.

Ань Цзыци был важным чиновником, и накануне битвы князь не мог наказывать его за такие мелочи. К тому же состояние маркиза не располагало к серьёзным разговорам.

Бам! Маркиз Ань поставил кувшин на стол и, сквозь тусклый свет, посмотрел на князя. Осторожность, с которой князь относился к вину, кольнула его сердце.

— Ваше Высочество, почему вы не пьёте?

— Я не пью, — ответил Цинь Юй.

Ха... Не пить со мной! — уголки губ Ань Цзыци изогнулись в странной улыбке. — Ваше Высочество всегда так спокоен и хладнокровен.

Мне вдруг стало противно от вашей осторожности и хладнокровия, особенно когда это касается меня!

Цинь Юй, убрав руку со стола, нахмурился. Он вздохнул, глядя на Ань Цзыци. Вино маркиза Ань, несомненно, было связано с ним, и потому он не хотел оставаться здесь.

Князь встал и направился к выходу. Ань Цзыци, глядя на его удаляющуюся спину, холодно усмехнулся и снова поднял кувшин.

Гулун-гулун...

Цинь Юй, услышав звук за спиной, почувствовал вспышку гнева. Он резко развернулся, выхватил кувшин из рук Ань Цзыци и поставил его в сторону.

— Хватит!

Маркиз Ань, оставшись с пустыми руками, растерянно посмотрел на него. На лице князя по-прежнему было равнодушие, такое же, как в тот день, когда он отнял у него память. Почему?!

— Подвеска моя! Моя! — Ань Цзыци, наконец, не выдержал и закричал в спину князя.

Цинь Юй смотрел на него без тени гнева и спокойно произнёс:

— Она не твоя. Ты просто случайно нашёл её. Она станет твоей, только если я подарю её тебе.

Но вы никогда не подарите её мне, никогда! — Ань Цзыци опустил голову, и его голос дрожал.

— Почему... почему вы должны забрать её? Разве нельзя...

— Нельзя, — прервал его Цинь Юй. — Ты знаешь, почему.

Да, я знаю, но я не понимаю. Я хочу знать, почему вы так поступаете.

Ань Цзыци вдруг поднял голову и, бросившись вперёд, схватил князя за одежду.

— Почему? Почему вы можете помнить столько людей, но не можете помнить меня? Почему?

Вы помните Бай Юньфэя, помните Наньгун Юйляна. Они все хотели вашей смерти, а вы всю свою осторожность и хладнокровие направляете на меня, чтобы поддерживать наши отношения господина и подданного!

Ваше Высочество, скажите мне, почему? Я не могу смириться, не могу!

Цинь Юй слегка замер, его взгляд остановился на лице Ань Цзыци. Под слоями гнева он разглядел слабость маркиза, но всё же почувствовал её.

— Ань Цзыци, здесь нет «почему». Ты... я... — Цинь Юй не знал, что сказать, и, помедлив, сдался. — Что ты хочешь, чтобы я сделал, чтобы ты отпустил это?

Ха-ха... — Ань Цзыци рассмеялся, глядя на него, и произнёс по слогам:

— Сволочь!

Бум! Перед глазами Цинь Юя потемнело, и он упал на землю. Маркиз Ань, размахивая кулаком, потерял равновесие и рухнул вслед за ним.

Чёрт возьми! Зачем я вообще зашёл в эту палатку?

Слегка приподняв голову, Цинь Юй посмотрел на маркиза Ань, лежащего на нём. Наконец маркиз опьянел. Он с сожалением покачал головой и медленно поднялся.

— Отныне, кто посмеет пить в армии, я сам его накажу.

Переведя дух, Цинь Юй помог Ань Цзыци добраться до кровати. При свете свечей лицо маркиза было красным. Цинь Юй принёс таз с водой, вытер лицо маркиза, а затем приложил компресс к своему распухшему лбу.

Эх... — Цинь Юй сел на край кровати и вздохнул.

Он признался себе, что в тот момент, пусть и на мгновение, он почувствовал слабость и волнение. Он не был человеком, который всегда держал себя в руках.

Но в тот же миг он вспомнил, кем он был на самом деле, и эта слабость и волнение мгновенно исчезли.